

НЕЛЛИ ЗАЙЦЕВА

ДО
ВСТРЕЧИ
НА
СИРИУСЕ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
З 17

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Зайцева Н.

З 17 До встречи на Сириусе : роман / Нелли Зайцева. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 192 с. — (Азбука. Голоса).
ISBN 978-5-389-28988-8

Оля и Ден — добровольные изгои. Они дружат со школы, любят цифры, верят в приметы и имеют целый список странных увлечений и правил. Например, встречаться каждое седьмое число в секретном баре. Но однажды Ден не приходит, а наутро оказывается, что он поджег себя и свою квартиру. Оля не верит в версию с саможжением и едет в родной город на похороны друга, чтобы разобраться в случившемся. Она взламывает его страницу в социальной сети и видит сообщение от незнакомки: «До встречи на Сириусе». Так начинается история, которая ведет в логово опасной тайны. «До встречи на Сириусе» — повесть о бегстве и избегании — прочь из ненавистного родного города, поглубже в уютный мир на двоих, — но также о храбрости и смелости встретиться лицом к лицу со всеми демонами и страхами (даже когда нет гарантии, что ты победишь).

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Нелли Зайцева, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-28988-8

Мутанты

Сегодня седьмое — скоро встречусь с Деном. Я пружиню по однушке, разговариваю с зеркалом и сдаюсь радостному предчувствию.

Осталось меньше часа. Пристально слежу за цифрами: девятнадцать двадцать три, девятнадцать двадцать семь, девятнадцать тридцать одна. Еще девять минут — и выхожу. Задумала грандиозное: впервые за три года не опоздать. Расставила будильники, заранее решила, что надену и даже что скажу. «А ты говорил, что я и „вовремя“ несовместимы, получай! — репетирую перед зеркалом, — проси прощения! больше раскаяния! целуй в перстень!»

Экспрессию приберегу для встречи. Где мои джинсы?

Ден — мой лучший друг. Мы оба любим числа. Для нас они красивее букв и изящнее любых символов. Их мы всюду видим и легко запоминаем. Числа рифмуются, складываются в узоры, предсказывают погоду (восемь — к дождю) и события (четверки — к потере).

Я не знала другого человека, кроме Дена, которого приводили бы в восторг цифры, к примеру *семь, одиннадцать* или *сорок шесть*. Общая странность автоматически делала нас близкими, как если бы встретились два человека с редкой генетической мутацией.

Мы считали шаги и отправляли друг другу: *шесть тысяч четыреста двадцать пять, девять тысяч восемьсот сорок два*. Наш диалог в мессенджере состоял из переключки длинных чисел, без слов и пояснений. Все, что требовало других обозначений — букв, картинок, ссылок, — мы обсуждали на встречах, а переписки сохраняли безупречно красивыми. Если бы наши сообщения читали спецслужбы и искали засекреченные данные, то очень разочаровались бы, узнав, какие глупости мы скрываем.

Джинсы я наконец нашла, правда мокрыми и в стиралке. У меня дырявое ведро вместо головы. Придется надеть сухие, но старые, они велики и пузырят вокруг ширинки. Не подходят для лучшего дня, но ничего другого нет.

Мы с Деном виделись каждый месяц седьмого числа. Этой традиции уже три года, а другим мы еще со школы. Встречи проходили в баре «Нижнее небо». О нем мало кто знал. Нас пускали туда по кодовому слову через крошечную дверь, которая сливалась с желтоватой стеной и вела в полуподвал. Нужно было пригнуть голову, нырнуть в эту нору,

спуститься по ступеням, а там, в маленьком коридоре перед самым входом в бар, произнести в тусклое лицо охранника запаренный пароль, вроде несуществующей реки Флегетон.

Охранник был всегда один и тот же, с серыми глазами в темной обводке, которую я видела только у героинщиков из видосов о рехабах. Говорил он вроде вежливо, приветствовал однообразным «Добрый день, пароль, пожалуйста». Но его учтивый голос не бился с внешностью типичного сидельца за убийство сожительницы. Такие усыпляют внимание, а потом вырезают жертвам глаза.

Охранник нас пугал, но бар мы не меняли. Это было еще одной нашей «мутацией»: замечать опасность, находиться поблизости и ничего не менять. Мы торчали на адреналине и воображали себя героями катастроф. Например, что мы внутри автобуса, в который врезалась фура. Мы, конечно, уцелели и теперь стоим в эпицентре, среди криков, сирен «скорой помощи», окровавленных жертв, глазеющих очевидцев и испытываем жуткое и стыдное удовольствие от происходящего. Это бы стало настоящим событием, которое прервало бы скуку, заново запустило вялые кровотоки, напомнило о хрупкости тела и неизбежности смерти. Если бы выражение «накликать беду» работало, то мы бы давно были мертвы и утащили с собой полгорода, включая мосты и здания, пассажиров и пешеходов.

О подобных фантазиях я призналась Дену первой. Сначала он хмурил брови рытвиной. Видимо, похожее чувство в нем было промаркировано как «неодобряемое» и вытеснено на полку с экзотичным порно. А потом, убедившись, что я не издеваюсь, отпустил себя: кивал, поддакивал, будто я включила свою любимую песню и она случайно оказалась и его любимой.

Я смотрелась в зеркальный шкаф: сверху — белая футболка на голое тело и почти ничего не топорщилось, поэтому можно и так, внизу — великоватые джинсы: если оттянуть за пояс, то между животом и тканью влезет кулак. Ну, как есть.

Я вечно опаздывала на встречи. Вылетала из дома с мокрыми волосами, в одежде с отпечатками сушилки, в кроссовках на босу ногу и через семнадцать минут, запыхавшись, протискивалась в гномью дверь бара, выкрикивала охраннику пароль и, подлетая к столу, уже издали суматошно извинялась. К этому моменту Ден обычно уже выпивал полбутылки и уставал рассматривать интерьер, который за три года хоть и обветшал, но кардинально не поменялся.

При виде меня он мрачно здоровался и, пока я сыпала оправданиями, прятал взгляд, чтобы не выдать, как его бесит моя нерасторопность. Я стыдилась опозданий, злилась на себя, но в следующий раз все повторялось. Видимо, таким способом я криво, но легаль-

но, не выходя за пределы дружбы, заигрывала с ним через вину и прощение.

Встречи с Деном были моим поводом как-то перетерпеть остальное время. Мир тронулся, покати́лся в кювет, случилось все самое худшее, и об этом запретили говорить, а я считала дни до седьмого числа: двадцать один, восемнадцать, девять, пять. Пережидая очередной день, я уговаривала себя подождать еще немного и так перетаптывалась до встречи. Они были моим убежищем: как бы ни полыхало вокруг, как бы ни трясло, был день, место и человек, которые не гнулись, не горели и не менялись. Эта была самая устойчивая часть моей жизни, на ней держалась остальная — хлипкая и сарайного типа.

Девятнадцать сорок одна.

Уже в кроссовках, стоя среди своего склада обуви, я накрасила губы и спросила у зеркала: «Ну как? Мне идет?» В последний раз Ден видел меня в косметике на выпускном, и ему явно не понравилось: он потешался над ярким макияжем и даже в микрофон, перед всей школой, назвал меня артистом дрэг-шоу.

Я ему отомстила — заперла его партнершу по вальсу в спортзале.

Знала, что он месяц репетировал все эти дурацкие шаги, чтобы преодолеть страх перед толпой и выступить на сцене, и все равно заперла. Надо сказать, в последнем он преуспел: вышел танцевать один, вел за руку воображаемую партнершу, держал ее за талию,

вращал и даже подбрасывал. Видео с танцем показали в новостях с подводкой «Выпускник школы не дождался партнершу по вальсу, но не растерялся». Его смелость сделала его популярным, а я потом еще долго напоминала, кому за это он должен быть благодарен.

После того случая на встречи с Деном я никогда не красилась и, по его версии, провела шесть лет в бледности.

Вот придумай я с накрашенными губами, без повода и праздника, что он скажет? *Оля, что за проказа у тебя на лице?* Вслух отшутится, а про себя подумает: «Опять за свое?»

Все эти мои попытки — подмешать в дружбу флирт, нравиться ему не по-дружески — угрожали нашим встречам. Без Дена в романтическом смысле я жить могла, а без Дена как друга — уже вряд ли. Тем более что любви в нашем мире не существовало.

Я поцеловала зеркало, а потом обутой зашла в туалет, оторвала кусок от рулона бумаги и стерла им помаду.

Девятнадцать сорок шесть.

Торопливо пересчитываю ступеньки и выхожу на улицу. Меня обдает летней прохладой: после сухой и душной квартиры воздух блестит и переливается. Вдыхаю его поглубже, а потом уже забываю это делать от спешки.

В «Нижнее небо» я влетела вовремя и без помады. Охранник был по-прежнему угрюм.

Я была довольна собой и подбодрила его: «Отлично выглядите». Уверена: если он окажется маньяком, то пусть вспомнит, как я была с ним мила, и отпустит меня из захваченного бара. Пока я прикидывала, как в этом случае спасти Дена, охранник сказал:

— А твоего сегодня нет.

Я открыла дверь, заглянула внутрь, в зале выпивали человек семь. Отсчитала четвертый столик от входа — пустой. Вошла внутрь, обошла бар — мрачный, в двадцать пять квадратов, без окон. Дернула ручку мужского туалета, дождалась, пока оттуда выйдет не-Ден, и пошла за наш столик.

Я прождала минут пятьдесят.

Не знаю, как выживало это место. Может, через стену работал салон интимного массажа, пока бар очищал души бизнесменов перед налоговой?..

Когда я нервничаю, то барабаню пяткой по полу. Это у меня со школы. Делала я это настолько бесяче, что получала в спину заточенными карандашами. Я обернулась на бряцанье стекла: бокалы, подвешенные над стойкой, мелко дрожали. Это из-за меня? Бармен мял что-то в металлическом ведре. Поймав мой взгляд, он махнул рукой, но с такой отдачей, будто хотел сказать: «Круши-ломай-жги, все равно зарабатываем только на дровичильне». Я легонько кивнула, уgomонила ногу и стала рвать салфетки.

За все время встреч в баре Ден опоздал лишь однажды. Я заказала черный кофе и выпила как шот — залпом и морщась. Когда сердце стало таранить ребра, я уже не могла понять, это от тревоги или кофеина. Еще через пятьдесят минут Ден не пришел. Он приходил три года вовремя и торчал на нашей дружбе не меньше меня.

Мы это никогда не обсуждали. Наш герметичный мир состоял из цифр, споров о космосе и едкого сарказма. Это был наш идейный ковчег, который мы не захламляли ничем лишним. Никакой ясности и определенности, только конспирология и псевдонаука. Догадаться, как Ден относится ко мне, я могла лишь по косвенным признакам. Например, он вытатуировал мой номер телефона на ноге и всегда приходил на встречи. Кстати, где он сейчас?

Мы не созванивались накануне, не встречались в другие дни и не знали адресов друг друга. Такие были у нас правила. Я ощущала себя внутри кино, где мы тайные агенты, которым нельзя ни с кем сблизиться, а видаться можно редко и в малолюдных местах. Через год мне надоела это игра. Такая забава подошла бы уставшей супружеской паре, чтобы спасти их однообразный секс, но не нам.

Когда Ден придет, я скажу: «Слушай, ты мне важен, давай будем обычными друзьями?» Или даже так: «Я хочу на встречи с тобой краситься красной помадой, чтобы ты замечал во мне не только друга». Это почти

манифест, но такой жалкий, будто мое главное требование к Дену — чтобы он заметил у меня отсутствие члена. Это не транспарант «За вашу и нашу свободу!», не петиция «Остановите насилие!», а хилое условие, которое я вынашивала последние два года. Пока другие борются за свободу или мир, я борюсь за свое право красить губы.

Если масштаб личности измерять величиной требований, то я — пылевой клещ. Самое смешное, что даже на этот ничтожный манифест я не могла решиться.

Я хочу во всем признаться. Если я ему дорога, то он не откажется от меня из-за моих откровений. Его право сказать, что ничего больше дружбы ему не подходит, и тогда мы отмотаем события, вернем все как было и я уже не буду сомневаться, приходить ли мне на встречи с красной помадой.

Ден опаздывал на два часа.

Думать о хорошем я могла только принудительно, контролируя мысли, а о худшем — естественным образом. Ден, скорее всего, утонул, потому что так и не научился плавать. Или упал в люк, потому что разглядывал чужие кованые балконы. Или его сбила машина. Это ожидание беды во мне как-то сочеталось с уверенностью, что Ден будет рядом всегда.

Протокол на случай, если кто-то из нас не придет на встречу, мы тоже обсуждали. Я просила связаться с Уфологическим отделом полиции, заявить, что меня выкрали гуманоиды,

и выдать мои фотки, чтобы они там передали всем постам. Я даже придумала легенду, чтобы подставить инопланетян: якобы за день до пропажи я жаловалась на волнообразную боль в голове и списывала листы датами будущей трагедии. Ден тогда назвал меня «мамкиным контактером» и подгонял, чтобы я быстрее закончила свою инструкцию.

Я игнорировала его спешку и тщательно выбирала фотки для ментов: здесь я на венском стуле в черных перчатках, фотосессия какая-то, вот селфач норм, пусть все запомнят меня серьезной, а здесь я в купальнике до того, как похудела, — пусть в минуты скуки полицаи наметят на мне зоны для липосакции. Ден вытерпел мой бред, а после — очень серьезно отчеканил свой список на случай, если он не придет:

- не звонить;
- не искать;
- не паниковать;
- дождаться утра.

Я ждала, что он добьет перечень каким-то объяснением, пусть и очень тупым, но он молчал.

Мы часто говорили о смерти и даже обсуждали наши похороны. Однажды мы так заморочились, что придумали их сценарии и отправили в четыре ивент-агентства на просчет. Одно без пояснения прислало ссылку на ритуальные услуги, еще два — проигнорировали (вот бы посмотреть на их лица), а четвер-

тое, видимо, восприняло нашу блажь со всей серьезностью и прислало смету. Так мы узнали, сколько денег нам нужно на пышные похороны.

В Сети Ден был последний раз семь часов назад. На его стене запись трехдневной давности — репост статьи «сто аргументов в пользу плоскости Земли». Видимо, собирал материал для наших кухонных споров о разной несусветице.

— Как мне надоели байки о шарообразной Земле! Спроси у любого индюка из международного правительства, почему запрещены полеты над Антарктидой, — и он засунет язык в жопу! — изображал Ден.

— Вас интересуют формы Земли!? И это после того, как мы проиграли биологическую войну китайцам? О державе надо думать, орудия подносить! Стране не нужны теоретики! — ответила я.

Салфетки за столиком превратились в снежную горку. Прошло еще сорок минут.

Телефон его родителей у меня был. Номер мне дала его мама — на последнем звонке вместе с таблетками и фразой: «Оля, пригляди, пожалуйста, за Денисом, он у нас долбоeb». После линейки мы всем классом уехали в лес с палатками отмечать свободу от школы и пить с учителями водку. У Дена была куча непереносимостей и реальный риск задохнуться от отека Квинке. К здоровью он относился как фаталист и пробовал очередное дешевое

пойло по принципу «была не была». В нашей дружбе я была за старшую: вырывала из рук запрещенку, кормила таблетками и даже пару раз вызывала «скорую».

Могу ли я сейчас позвонить его маме?

Родители Дена жили за двести километров отсюда, в другом городе, из которого мы когда-то уехали. Первое, что они у меня бы спросили сразу после того, как всполошились, была ли я у него дома.

Я бы никак не могла объяснить аномалии наших отношений, которые сильно поменялись со школы: «нет, я там не была, э-э-э-э, нет, я не знаю, где он живет, да-а-а, мы общались все это время, нет, я не могу звонить, у меня инструкция...» Да и как они мне помогут разделить переживания? Пусть они волнуются вместе со мной, перебирают худшие версии, стучат пятками по полу. В конце концов, это они вырастили такого долбоеба, почему я одна мучаюсь?

Особенно жестоким мой звонок будет, если окажется, что Ден просто уснул. Представим, что последние пару-тройку суток он готовил срочный перевод, потому что дотянул до дедлайна и, как обычно, за несколько дней сделал месячный объем. Потом прилег, уснул по-мертвецки, не услышал будильника, а тут мы с его мамой, как настоящая команда, обзваниваем морги.

Версия с отсыпным мне настолько понравилась, что я в нее поверила. Она убаюкала

тревогу и перекрыла кран с худшими мыслями. Я даже решила ему не звонить: ну, во-первых, разбужу, а во-вторых, он же просил дожждаться утра.

Для порядка я досидела до полуночи, выпила три настойки с барменом, как в фильмах про одиночек, и пошла домой пешком, считая шаги, — одиннадцать тысяч триста пятьдесят два.

Отправила в диалог новую цифру, под ней появились блеклые галочки. Зашла на страницу Дена: «Денис Скуратов был в Сети шестого июля». А сейчас уже восьмое. Утром позвоню его брату, он нормальный, не будет доставать вопросами. Узнаю у него адрес Дена, приеду и буду звонить в дверь, пока звонок не охрипнет. В жопу все эти правила, инструкции и мистификации. Ден выйдет, и я устрою ему расправу.

Я уже в кровати, меня рубит сон. Нужно придумать для него какие-то изощренные наказания, но в голове вместе идей только предсонная муть. В общем, я каким-то способом заставлю его страдать, а потом... Повисну на него всем весом, обмякну, отменю все правила и не отпущу больше никогда.

Мысль была такой приятной, что начала густеть и заволокла ум. Меня накрыло тишиной.

Утром, еще черным и вялым, меня разбудил виброзвонок. Я приложила телефон к уху, не открывая глаз. Границу между сво-

ей комнатой и сном, где я брожу по чьей-то даче, я еще не отсекала, но на автопилотное «алло» меняхватило.

Я услышала знакомый голос, вроде Ден, он как раз сейчас был со мной на даче, закрылся в одной из комнат, но я никак не могла найти, в какой именно. «Ден, ты где? Я тебя везде ищу», — услышала я свой хриплый, еще не разбуженный голос. Меня дважды позвали по имени, резко, как будто окрикнули от опасности типа: «Оля! Осторожно! Сосулька!»

Покрутила головой — я в своей квартире: на полу джинсы, меню из бара, пыльные звездочки на ламинате от подошвы, из-под кровати торчит шнурок. Я свесила руку до пола и пошарила ей в поисках кроссовок, голос окрикнул меня по имени в третий раз. Я замерла и вслушалась: «Оля, Ден прошлой ночью сгорел в пожаре. Мы опознали тело по татуировке. Похороны через два дня, приезжай».

Я поднесла экран телефона к глазам: «Эдик, брат Дена».

Синдром попутчика

Мы едем в мой родной город на «Блаблакаре», состав случайный, имен не спрашиваем. Собрались только женщины: деловитая блондинка за рулем, которая успевала удаленно отгружать партии БАДов, девушка с ногтями-стилетами, сидевшая со мной на заднем — она все время засыпала и билась головой о стекло; спереди, на пассажирском, девчонка лет семнадцати, из ее наушников доносилось вялое техно. Попутчицы не задали мне ни одного вопроса, хотя видок у меня напрашивался минимум на дежурное «С тобой все в порядке?». Грязные волосы, черная толстовка, рукава натянуты до пальцев, невзирая на плюс двадцать семь.

Помню, как мама трепалась со всеми соседками в поездах: долго, откровенно и обо всех превратностях тяжелой бабьей доли. Раньше мне это казалось ужасно романтичным: доверить человеку всю свою жизнь, узнать о нем самому вплоть до судимостей и абортот, очиститься до пустоты, до ветра в голове,

ощутить вдруг в темноте погашенного света, что эта незнакомка тебе ближе, чем кровная сестра, а потом, на утро, попрощаться вежливым «Будете в Коломне, заезжайте», навсегда разъехаться и больше не вспоминать.

Сейчас уже не принято нагружать случайных людей личными историями. Самые тяжелые — относят психотерапевтам, средней тяжести — попадают на суд к друзьям, обычно маскируемые под «зацени приколы», а какие-то — тихо бродят внутри. Я разглядывала своих попутчиц, и мне хотелось сказать: «А у меня друг позавчера умер». Причем вот именно так, как новость, будто я купила за тысячу фантастические кроссовки и готова слить адреса и промокоды. Но я не видела лиц, не считая глаз блондинки в зеркале заднего вида, поэтому не смогла бы оценить их замешательства, а значит, и продолжать разговор.

Мое безумие должно сдерживаться. Взглядами удивленными или возмущенными. Это мои тормоза, иначе вместо бурного разговора я получу пудовую тишину. Я молчала и причитала про себя, как измельчали люди и разучились милосердию.

В мае я прошла мимо девушки в приступе эпилепсии. Ей стало плохо прямо на улице. Я опаздывала, к ней уже спешили другие люди, и, уболтав совесть, проскочила к автобусу. Если смотреть на жизнь магически, то в меня попал мой же бумеранг: равнодушие за равнодушие. Ей было плохо тогда, мне — сейчас.

Какое тогда было число? Шестнадцатое. То есть бумеранг долетел до меня за пятьдесят пять дней. Пятьдесят пять — это полный провал, как число. Пухлая раскоряка и абсолютная безвкусица. Интересно, если у меня сейчас пойдет пена изо рта, блондинка продолжит впаривать БАДы по стране? А семнадцатилетка вынет наушник? К девице у окна ноль вопросов, пусть отсыпается.

Оставалось сто километров, полдороги позади. Позавчера мне сказали, что Ден сгорел. Я не могла представить, что от него осталось: обугленные головешки, как в костре? Или изувеченное тело с крупными кровавыми ожогами? Мне сказали, что опознать его удалось чудом: накануне он перебивал тату с моим номером, которое успело посинеть за два года, после сеанса на ногу ему наклеили заживляющий пластырь, материал сохранил почти целым кусочек кожи. Интересно, какие цифры там остались?

Я не понимала, что значит «умер». Мы полжизни с Деном говорили о смерти, как-то для себя ее определяли, но на деле «умер» ничем не отличалось от «ушел» или «уехал». Я воспринимала это так, будто он где-то далеко и поэтому мы не сможем видаться какое-то время. До слов «никогда» и «навсегда» я тоже не могла дойти умом. Представим, что седьмого августа он не придет — ну хорошо, отъезд, расстояния, понимаю, но седьмого сентября же все в силе?

НЕЛЛИ ЗАЙЦЕВА ДО ВСТРЕЧИ НА СИРИУСЕ

Ответственный редактор Мария Нестеренко

Редактор Анжела Орлова

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Мария Антипова

Компьютерная верстка Ирины Варламовой

Корректоры Лариса Ершова, Ольга Золотова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.11.2025.
Формат издания 84 × 96 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 8,94. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-MOD-38183-01-R